

Пушкин о Байроне.

(Речь на юбилейном заседании Научно-Исследовательского Института 6 июня 1924 г.).

I.

Пушкин и Байрон... Имена, тесно связанные друг с другом. Двойной юбилей нынешнего года дает повод помянуть обоих великих художников слова.

Много писано о байронизме Пушкина, хотя и до сих пор исследователи не договорились окончательно. И есть вопрос, почти не затронутый ими, — вопрос об эволюции взглядов Пушкина на Байрона. Несомненно, в разные моменты жизни нашего поэта его отношение к творцу «Чайльд-Гарольда» менялось: интерес к последнему то повышался, то понижался, проявляясь в разных формах, и юношеское восхищение сменялось критической оценкой, тонкой и оригинальной.

Перенесемся в прошлое. Посмотрим, при каких исторических условиях имя Байрона стало известно в России, и как росла его популярность.

В половине десятых годов прошлого века волна реакции захлестнула запад Европы и докатилась до России. Священный Союз (1815 г.), деятельность Меттерниха и Аракчеева, усиление полиции, цензуры — все было направлено к подавлению свободного развития народов. Но, несмотря на все меры предосторожности, несмотря на все репрессии, спокойствие Европы часто нарушалось. То там, то здесь возникали революционные вспышки, особенно усилившиеся к 1820 году. Революции в Испании и Португалии, подготовлявшееся восстание в Пьемонте, убийства Зандом Коцебу и Лувелем герцога Беррийского, заговор офицеров и нижних чинов против Людовика XVIII — невольно привлекали к себе внимание современников и волновали умы. Европейские настроения передавались России, где тяжелый гнет аракчеевщины привел к образованию тайных обществ, в которых стала назревать мысль о государственном перевороте и водворении республики.

По словам Пушкина,

ветхая Европа свирепела,
 Надеждой новою Германия кипела,
 Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
 За Пиринеями давно судьбой народа
 Уж правила свобода,
 И самовластие лишь Север укрывал.

Расцвет этого самовластия хронологически совпал с расцветом дарования Байрона. Его протестующий голос против насилия, его симпатии к свободе гармонизовали с революционными вспышками. В связи с этим росла его популярность в Европе.

II.

Франция была страной, ознакомившей с Байроном Россию. Первое упоминание о Байроне во французских журналах относится к 1812 году ¹⁾, первый перевод его поэм — к 1816-му ²⁾. В женеvской «Bibliothèque Universelle» с 1817 по 1819 год печатался также ряд переводов ³⁾; в 1819 году, автор известного «Путешествия в Англию и Шотландию» и будущий редактор «Британского Обозрения» — Амедей Пишо предпринял десяти томное собрание сочинений Байрона на французском языке. Этим двум изданиям, особенно последнему, суждено было сыграть видную роль не только во Франции, но и в России.

Оба перевода — в прозе; оба неодинаково отражают красоты оригинала; оба были известны Байрону, который отдал предпочтение женеvскому перед парижским ⁴⁾. Французские журналы заговаривали об издании Пишо: одни хвалили ⁵⁾, другие бранили, называя перевод бледным, обесцвеченным, а самое издание — коммерческим предприятием ⁶⁾. Критики высказывались и по поводу творений Байрона. Что поразило их в этой поэзии? Какие нашли они достоинства? Что показалось им недостатком? В творениях Байрона усмотрены были красоты высшего порядка, особенно в изящных описаниях и стиле, и вместе с тем несвязность плана, отождествление личности автора с личностью его любимого героя, неясность сюжетов... Но главное, что пленяло в Байроне, — это его любовь к свободе, протест против существующих социальных условий, искреннее сочувствие к угнетенным... «Чтобы дать отчет в славе поэзии Байрона», — сказано в «Le Constitutionnel» 1820 (28/IV) — «не надо забывать, что этот писатель очень усердно развивает благородные идеи человечности и свободы. Он не из числа тех придворных поэтов, раболепная муза которых состоит в свите власти... Байрон совершенно независим и особенно энергичен, когда

говорит о свободе. Он замечает ее следы на развалинах городов, сейчас поработанных, воскресение которых он предвидит в будущем».

Поэт и политический деятель, член парламентской оппозиции, защитник ноттингемских ткачей, карбонарий в Италии и под конец жизни борец за свободу Греции — Байрон не мог не производить неотразимого впечатления и на тех, кто таил в душе недовольство царившей в то время реакцией, и на тех, кто на этой реакции построил все свое благополучие.

III.

В России представители власти не скрывали своей вражды к Байрону. Поэт пагубно влияет на общество, толковали они. Он «изображает преступление потребностью великих душ», твердит «Русский Инвалид»⁷⁾. Он — «гений зла», пишет Уваров⁸⁾. Он — безбожник, «заразивший ядовитыми мечтаниями» Европу; его поэзия «родит Зандов и Лувелей», направлена «на погибель человечества», ужасается Рунич⁹⁾.

В ином свете предстает Байрон в глазах молодых и оппозиционно настроенных литераторов и поэтов. Их «деспот» и «кумир», он «самовластно играл» их умами и чаровал их сердца. Его «заслушивались страстно»; им «бредили»¹⁰⁾. Свидетель происходивших тогда событий, видевший эшафоты, которые громоздят для убиения народов, «для уничтожения свободы», Байрон, по словам П. А. Вяземского, «не должен был и не мог теряться в идеальности Аркадии». С облаков, в которых он парил, он «спускался на землю, чтобы грянуть негодованием в притеснителей, и краски его романтизма сливались часто с красками политическими»¹¹⁾. Эти политические краски были тем зажженным факелом, от искр которого загорелись сердца многих современников и будущие революции в Европе. А. И. Тургенев восхищался «Одой к Венеции», П. А. Вяземский — «Бронзовым веком»¹²⁾; позднее декабристы не расставались с творениями Байрона ни в сумрачном Грузине (Батеньков), ни в «хладных пустынях» Сибири¹²⁾. Зачитывались «Дон-Жуаном», приходили в восторг от сатиры.

Настроение эпохи передавалось и юному Пушкину. В 1820 году, на юге России, в новом непривычном для себя положении, вдали от столиц и друзей, он мог сопоставлять свою участь с судьбой Овидия и других знаменитых изгнанников. Радикально настроенный, на перепутьи от «Вольности» к «Кинжалу», поэт воспевал

Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал.

В прошлом «возвышенный Галл» (Экушар Лебрэн), теперь другой «властитель дум», но основа одна: идея политической свободы и вражда к деспотизму. Почитатель Лувеля, автор известной рождественской сказки и эпиграмм на Аракчеева, естественно, «с ума сошел от Байрона».

IV.

Пушкин почти не знал английского языка, когда он впервые стал знакомиться с поэзией Байрона. В родительском доме, лет 9—10 от роду, он начал учиться по-английски, вероятно у гувернантки, мисс Белли, но усвоил очень мало ¹⁴); в Лицее английскому языку не обучался ¹⁵); занятия его с юными сестрами Раевскими — красивая легенда, а не действительность. Правда, в Гурзуфе поэт пробовал вместе с Н. Н. Раевским читать Байрона в подлиннике, но оба они плохо разбирались в тексте; грамматики и лексикона под руками не было, и изредка, находясь в безвыходном положении, они посылали к Екатерине Николаевне, жившей в верхнем этаже дома, за какой-либо справкой ¹⁶). В 1821 году Пушкин начал переводить на французский язык Байроновского «Гяура», но попытка окончилась не вполне удачно; в переводе встречаются промахи: так, выражение «Athenian's grave» («могила афинянина») было переведено «la grève d'Athènes» («песчаный берег Афин») ¹⁷). Даже в сентябре 1825 года его познания в английском языке были слабые. «Мне нужен Англ[ийский] яз[ык]», пишет он Вяземскому, «и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока поря. Грех гонителям моим!» ¹⁸)

В 1820 году Пушкин испытывал те затруднения, которые были хорошо знакомы его современникам. В эту пору и во Франции лишь немногие «посвященные» могли наслаждаться красотами «Корсара» и «Манфреда».

Оценить форму Байроновской поэзии, постичь прелесть языка, гармонию и силу стиха был способен лишь тот, кто свободно читал английскую книгу. Переводы давали общее понятие о сюжете и об идейной стороне; этого было мало, — и усвоение английского языка ради Байрона стало задачей момента:

J'ai pour te lire, appris ta langue maternelle:
Tes vers m'en ont donné la première leçon,

обращается Пьер Лебрэн к певцу «Чайльд-Гарольда» ¹⁹).

То же явление наблюдалось и в России. В октябре 1819 года, находясь в Варшаве, Вяземский «читал и перечитывал Байрона, разумеется, в бледных выписках французских». «Что за скала, из коей бьет море поэзии». «Без сомнения, если он решится когда-нибудь чему учиться, то примется за англий-

ский язык единственно для Байрона». Вяземский интересуется, читает ли «племянник» (т.-е. Пушкин) по-английски. «Кто в России читает по-английски и пишет по-русски?» — восклицает он: «Давайте мне его сюда! Я за каждый стих Байрона заплачу ему жизнью своею» ²⁰).

Единомышленником Вяземского был Бестужев (Марлинский). Значительно позднее, в 1825 году, он увещевал Пушкина приняться за изучение английского языка, заверяя поэта, что последний будет вознагражден за труды сторицею. Сам Бестужев, как и Кюхельбекер, всегда отрицал возможность судить о Байроне по переводам; он читал подлинники, «с жадностью глотал английскую литературу и (был) душой благодарен английскому языку»: «он научил (Бестужева) мыслить, обратил к природе» ²¹. Бестужев был из числа немногих счастливцев; большинство, вроде Николая Николаевича Раевского, несмотря на упражнения в переводах, далеко не владело этим языком. Это подтверждает Г. И. Филипсон ²²) и дошедший до нас автограф Раевского с французским переводом «Гяура» ²³).

V.

И вот, на помощь всем жаждущим ознакомиться с поэзией Байрона в 1820 году приходит Амедей Пишо со своим переводом. Об этом издании было много толков у наших журналистов.

В «Вестнике Европы» то и дело помещались заметки с указанием, что сочинения Байрона «полюбились французской публике, и что перевод их вышел уже вторым изданием в Париже, спустя несколько месяцев после первого» ²⁴). Пользуясь этим переводом, а также переводом из Женевской «Bibliothèque Universelle», профессор Каченовский подготавливает к печати свой «Выбор из сочинений Байрона» ²⁵).

На эти издания, естественно, должен был обратить внимание и Пушкин. В «Bibliothèque Universelle», из которой в России переводились статьи о Байроне ²⁶), он мог найти английские тексты en regard с французскими; у Пишо (в изданиях 1820—1822 гг.) — почти все выдающиеся творения Байрона, за исключением последних песен «Дон-Жуана». И, действительно, в переписке с братом и друзьями Пушкин, несколько лет спустя (в 1825 г.), постоянно напоминает, что ему известны только пять первых песен этой поэмы, — именно те, которые есть у Пишо ²⁷).

Что мог извлечь Пушкин из этого перевода? Мог ли путем гениальной интуиции постичь все красоты оригинала или только усвоить его содержание? Мог ли мысленно представить, читая французскую прозу, всю прелесть поэтической формы английского текста? Мог ли насладиться стихом, образностью стиля?

Едва ли. Тем более, что Пишо, подобно Бестужеву, публично заявил о невозможности для самого искусного переводчика дать надлежащее понятие о гении Байрона и признал свой опыт весьма несовершенным, таким, который может быть в будущем использован другим более вдохновенным и проницательным писателем, способным исправить погрешности его, Пишо, и переводчика «Bibliothèque Universelle» ²⁸⁾

Да и придавал ли вообще Пушкин большое значение форме?

Еще в 1822 году, следуя завету Буало, он предъявил русским поэтам требование «иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно бывает. От этого требования он не отказался и позднее. Забвение, писал он в 1834 году, «ожидает писателей, которые [пекутся более о механизме языка, наружных формах слова], нежели о мысли, истинной жизни его». Пушкин не одобрял французских романтиков за то, что они «полагали слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме». Он, по свидетельству Смирновой, не сочувствовал и «последователям великих поэтов», потому что они обыкновенно подражают «стиху», «тону» избранных ими образцов, «между тем как в поэзии форма, не содержащая мыслей и чувств, есть не что иное, как упражнение парнасцев». Конечно, «можно подражать стихам такого гиганта, как Байрон, но дело в том, чтобы думать и чувствовать, как думал и чувствовал он». В глазах Пушкина именно мысли «составляют величие человека», мысли, которых такая «бездна» в слабых по построению и плану творениях певца «Чайльд-Гарольда» ²⁹⁾. И не формой своих произведений дорог Байрон Пушкину; он дорог ему, как «властитель дум» современного ему поколения.

VI.

В истории русского байронизма Пушкинской эпохи выделяются три момента особого повышения интереса к Байрону: 1820 год — начало увлечения Байроном и распространение его творений среди широких слоев русского общества; 1824 год — кончина Байрона в Миссолонги в разгар борьбы за свободу Греции, и 1830 год — выход в свет Мемуаров Байрона в издании Томаса Мура.

Эти три момента должны быть учтены и при изучении Пушкина.

В 1820 году, перелистывая страницы французских журналов, Пушкин мог наталкиваться на похвалы Байрону за его описания, которые французская критика ставила значительно выше Делилевских. [Описания Делиля, пишет Thiessé в «Revue Encyclopédique», «более классические, но, надо сказать, менее

оригинальные. Они не дышат тем юношеским жаром, той жизнью, которые находим в отрывках Байрона»³⁰). На этих описаниях сосредоточено внимание Пушкина. «Поэтические панорамы» Байрона заслонили красоты прежних описательных поэм. Это сказалось «в Кавказском Пленнике», где местами краски верны, но могут не понравиться читателям, избалованным прелестью Байроновских описаний. К тому же «описание нравов черкесских не связано ни с каким происшествием и есть не что иное, как географическая статья или отчет путешественника»³¹).

Другой особенностью Байрона является правдивость изображения весьма сложных душевных переживаний. «Должно быть Байроном, чтоб выразить со столь страшной истиной первые признаки сумасшествия» в «Шильонском узнике»³²).

Наконец, третья характерная черта Байрона — умение рисовать пленительные женские образы.

... певец Лейлы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал.

И этот идеал связан с жизнью: «поэт мучительный и милый» запечатлевал в своей душе женщин, виденных им во время долгих странствий. Калипсо Полихрони, бывшая, по преданью, любовницей Байрона, могла послужить ему образцом.

Быть может в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенной
Узнал, иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенной
В его сердечной глубине»³³).

VII.

Отзывы Пушкина о политической деятельности Байрона неизвестны; они, вероятно, были, но не дошли до нас, как не дошел полностью и «Журнал греческого восстания», начатый еще в Кишиневе, где поэт узнал о революционном движении гетеристов. Взбунтовавшаяся Греция восстала из праха: к ней и к славному защитнику ее свободы были прикованы взоры Европы. Наша периодическая печать нервно следила и, порою вопреки желанию властей, печатала все доходившие до России сведения о Байроне. «Говорят, что известный поэт лорд Байрон предложил все свое имение в пользу греческого народа». «Лорд Байрон живет на острове Цефалонии. Он предложил грекам значительные денежные вспоможения». «Посредничество лорда

Байрона имело успешные следствия в деле греческих полководцев и других начальников». Из Перы пишут: «Влияние английского министра лорда Странгфорда при Диване поуменилось. Турки упрекают его в участии лорда Байрона в провозе в Грецию оружия с Мальты, Ионийских островов и даже из самой Англии»,—Таковыми сообщениями пестрел отдел «политических новостей», с жадностью прочитываемый подписчиками «Сына Отечества» и других журналов. В конце апреля 1824 г. разнесся слух (попавший в печать), что Байрон опасно ранен в шею сулиотом, «в жарком споре солдат этой нации с англичанами». Затем этот слух опровергался и сменился другим, что Байрон «был опасно болен лихорадкой, от которой однакож почти оправился» и страдает лишь большим упадком сил. А в мае Каченовский неожиданно оповестил о кончине Байрона, умершего в Миссолонги после непродолжительной болезни. «Бренные останки» его—писал редактор «Вестника Европы»—«будут привезены в Англию, но сердце его останется в Греции... Лорд Байрон был одним из первых английских поэтов нашего времени»³⁴).

Декабристы почтили память любимого поэта. Плакивали Тиртея греческих войск, вдохновлявшего борцов за независимость. Гроб Байрона грозит бедой отчизне Фемистокла.

Рыдая, вокруг его кипит
Толпа шумящего народа,
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит.³⁵

Друзья Пушкина потрясены событиями в Миссолонги. «Какая поэтическая смерть,—смерть Байрона! Он предчувствовал, что прах его примет земля, возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы европейской». Нельзя не завидовать певцам, которые достойно воспоют его кончину... «Греция древняя, Греция наших дней и Байрон мертвый—это океан поэзии!» Так писал Вяземский,—он надеялся на Пушкина. А. И. Тургенев пытался разобраться в постигшем несчастье, найти утешение: «Байрон умер вполовину давно уже для поэзии, ибо последние его сочинения ниже его репутации, но смерть его в виду всей возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин верно схватит момент сей и воспользуется случаем».

И Пушкин откликнулся на призыв друзей.

Байрон в Миссолонги был для Пушкина, как и для Вяземского, «поэтическим фаросом, который освещал нашу глубокую ночь». Этот светоч погас, и в наступивших сумерках Пушкин живо почувствовал значение понесенной утраты. От нас умчался гений, властитель наших дум, певец ничем неукротимого моря, любимец свободы, опла-

канный ею. Мир опустел; нет отрады в окружающей действительности:

Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран.

Пушкин думал развить затронутую тему, «да скучно писать про себя, или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского». Мысли остались недосказанными... ³⁶⁾.

VIII.

А досказать хотелось, — и с 1824 года в произведениях Пушкина все чаще и чаще попадает имя Байрона, но теперь уже без всякого упоминания об его политической деятельности. Подобно А. И. Тургеневу, Пушкин признается, что «гений Байрона бледнел с его молодостью». «В своих трагедиях, не исключая и Каина, он уже не тот пламенный Демон, который создал Гяура и Чайльд-Гарольда... Его поэзия, видимо, изменялась. Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал, и первые звуки его ему уже не возвратились. После 4-й песни Child Harold, Байрона мы не слышали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом» ³⁷⁾.

Байрон «исповедался в своих стихах, невольно увлеченный восторгом поэзии». «Исповедался», т.-е. «постиг, создал и описал единый характер (именно свой)» в «мрачном, могущественном лице, столь таинственно пленительном». «Увлекался восторгом поэзии», т.-е. «мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них», так как восторг, в противоположность вдохновению, «не предполагает силы ума, располагающего частями в отношении к целому». Поэтому Байрон, как поэт, сильнее в поэмах и слабее в трагедиях. В его поэмах нас пленяет и «пламенное изображение страстей» («Гяур»), и «трогательное развитие сердца» («Осада Коринфа», «Шильонский узник»), и «глубокомыслие и высота парения истинно-лирического» («Чайльд-Гарольд») ³⁸⁾. Но зато «драматическая часть» его поэм (кроме разве одной «Паризины») не имеет никакого достоинства. «Несмотря на великие красоты поэтические, его трагедии вообще ниже его гения: они — холодны; это — великолепные поэмы в диалогах». Столь оригинальный в поэмах, Байрон «делается подражателем, коль скоро вступает на поприще драматическое». «В «Manfred'e» он подражал «Фаусту»; «в других трагедиях образцом Байрону был Alfieri». «Каин имеет одну

только форму драмы, но по бессвязности сцен и отвлеченным рассуждениям относится к роду скептической поэзии Чайльд-Гарольда». Каждому из героев этой трагедии Байрон роздал по одной из составных частей сложного и сильного характера, и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных». Одно действующее лицо наделено гордостью Байрона, другое — ненавистью, третье — меланхолической настроенностью. «Разве это трагедия?» Байрон-трагик ничтожен перед Шекспиром. Английские критики (особенно Гээлитт) правы, оспаривая у него драматический талант. Байрон сознавал недостатки своих драм и впоследствии «принялся вновь за «Фауста», подражая ему в своем «Превращенном Уроде».

Лучшее творение Байрона, по мнению Пушкина, — «Дон-Жуан», восхищавший и декабристов: «Что за чудо Дон-Жуан!»

В 1825 году Пушкин знал только пять его песен. «Прочитав первые две, он сказал тотчас Раевскому, что это chef-d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался после, увидя, что Walter Scott его мнения»³⁹). «Удивительное Шекспировское разнобразное «Дон-Жуана» затмило в глазах Пушкина красоты прежних поэм Байрона. Это было понятно. Ведь еще в 1822 году «Чайльд-Гарольд» напомнил Вяземскому «описательную поэму (poëme descriptif)», о которой любил поговорить знакомец Пушкина Léon Thiessé, сопоставлявший Байрона с Делилем⁴⁰). Лирический характер пейзажей встречался у Руссо; новая манера повествования проскользнула в «Руслане и Людмиле». «Донъ-Жуан» — иное дело. Здесь романтическая лирика сменилась реалистической сатирой; здесь в ярких образах проявилось богатство мыслей и чувств политического поэта, то иронически смеющегося, то возмущающегося и негодующего. «Как велик Байрон в песнях Дон-Жуана», — восторгался Рылеев, — сколько поразительных идей, какие чувства, какие краски!.. Байрон вознесся до невероятной степени: он стал и выше пороков и выше добродетелей». Настроение не чуждое Пушкину. Он начал писать «Онегина» под впечатлением «Дон-Жуана», думал о том, как захлебнется желчью. Действительность разрушила первоначальное намерение, но высокая оценка Байроновской сатиры осталась непоколебленной. «Нет, душа моя, многого хочешь», писал Пушкин Бестужеву, требовавшему от него «сатиры англичанина Байрона». Просьбы Пушкина о присылке в Михайловское последних песен «Дон-Жуана» были тщетны: французский перевод их стал ему доступен, повидомому, не ранее 1827 года, когда он вышел в изданиях Пишо и Париса (Paris). Песни (IX — X), посвященные России, прежде всего приковали к себе его внимание. Пушкин подчеркивает, что, вопреки своему правилу, Байрон описывал Россию, которой не видел собственными

глазами. Отсюда «погрешности противу местности» и другие, «более важные ошибки». Но общее впечатление от конца поэмы было прекрасное, и впоследствии Пушкин не раз говорит о «чудных строфах» Дон-Жуана ⁴¹⁾.

Юношеское увлечение Байроном постепенно сменялось у Пушкина иным отношением, более спокойным, но и более сознательным: прояснились некоторые недостатки английского гения, но отчетливее стали и его огромные достоинства — и певец «Дон-Жуана» — вопреки собственному заявлению Пушкина в письме к Вяземскому — с годами не слабел, а становился все более мощным, более пленительным. Не даром поэты разных стран над урной Байрона поют ему хвалу:

И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает. ⁴²⁾

Байрон рядом с Данте — сближение, напоминающее Бестужева, поместившего их обоих в «яркое созвездие, венчающее человечество».

Байрон, по словам Пушкина, сохраненным в записках Смирновой, не гонялся за литературной формой. Англичанин и политический деятель, человек партии, Байрон имел свои, отличные от французских, взгляды на задачу поэзии и не мог предаться «литературничанью». Для него гораздо важнее мысли и чувства. От полноты этих мыслей и чувств и «недостатка слов для их выражения» происходила туманность некоторых его стихов, которые он сам затруднялся изъяснить ⁴³⁾.

Истый европеец, Байрон «и в упоении восточной роскоши» сохранил «вкус и взор европейца», что придает особую прелесть «Гяуру» и «Абидосской Невесте»; идеалист, он свой высокий идеал женщины воплощает в прекрасных образах Гюльнары и Леилы; оригинальный мыслитель, он ловко спорит с Боульсом, склоняя на свою сторону Пушкина; великий художник, он умеет «удачной прихотью» облечь в унылый романтизм самый безнадешный эгоизм; великий человек, он чужд тщеславия:

Что слава? Шопот ли чтеца?
Гоненье низкого невежды?
Иль восхищение глупца? ⁴⁴⁾

Сравнение Байрона с другими поэтами оттеняет особенности его яркого дарования. Речь любовника Паризины наглядно показывает, что «Расин понятия не имел о создании трагического лица»; Байроновский Тасс, «дышащий любовью и всеми страстями», убеждает читателя в том, что Тасс Батюшкова — «умирающий Василий Львович (Пушкин), а не Торквато». Один Гёте не только ничего не

теряет при сопоставлении с Байроном, но даже иногда и выигрывает. И Байрон это чувствовал. Он два раза пытался бороться с великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков» ⁴⁵).

Оценка драм Байрона была сделана Пушкиным в двух отрывках, написанных по поводу «Корсера» Олина. Отрывки — черновой набросок намеченного поэтом большого этюда, где предполагалось сравнить «очаровательную глубокую поэзию» Байрона с «надутой и уродливой» прозой его подражателей. Пушкин хотел наглядно показать заблуждение таких подражателей, которых поражает в творениях Байрона не высокая мысль, не глубокое чувство, а детский план, достойный нелепых и пошлых (?) повестей. Этюд Пушкина был брошен необработанным: доказывать значение высоких мыслей Байрона на страницах «Московского Вестника» было в 1827 году еще неудобно.

В это время Пушкин продолжал серьезное изучение творений «певца Жуана» и английского языка. Еще с 1825 года он выписывал в Михайловское книги по интересующему его вопросу. Здесь были и критические очерки, и мемуары, и переписка: Гэзлитт, Сальво, Ли-Гент, полузапрещенные у нас Даллас, Медвин и многие другие. Выдержки из этих сочинений на русском языке прочитаны поэтом и на страницах наших периодических изданий, где помещены также статьи о Байроне Гёте, Вальтера Скотта, Гюго, Нодье. Постепенное изучение английского языка дало, наконец, возможность Пушкину оценить смелость выражений в «Чайльд-Гарольде» (1827 г.), а к концу двадцатых годов (вероятно, в 1828 г.), по свидетельству Муханова, Шевырева, Полевого и Булгарина, поэт окончательно овладел этим языком и стал легко понимать английский текст ⁴⁶).

IX.

1830 год ознаменовался выходом в свет «Писем и дневников Байрона». Луиза Беллок, Пишо, Парис перевели этот труд на французский язык; знаменитый Маколей написал по поводу издания Мура свой блестящий очерк «Жизнь Байрона». Французская печать разнесла по всей Европе весть о появлении драгоценных документов и резко клеймила Мура, «не оправдавшего доверия своего несчастного друга» ⁴⁶).

Русские журналы также заговорили об интересных мемуарах.

«Жизнь лорда Байрона, изданная Муром, — оповещал «Вестник Европы», — содержит в себе множество любопытных подробностей; в ней поэт британский представляется совершенно в другом виде, нежели как его воображать себе привыкли». В Записках Байрона — «разгадка его поэзии», пояснял «Москов-

ский Телеграф». Мемуары «открывают нам все подробности богатой приключениями жизни славнейшего из поэтов нашего времени и служат к изречению беспристрастного суда о его характере, столь худо понятом современниками предубежденными и завистливыми», сообщила «Литературная Газета». Юный Лермонтов не выпускал из рук «Мемуаров»; А. И. Тургенев в конце мая 1830 года послал первые два тома И. И. Козлову; М. П. Погодин зачитывался письмами и дневником Байрона, «искал [в них] сходства с собою» и «находил с удовольствием».

Ожидали появления труда Мура на русском языке, о чем была заметка в «Телескопе»; с увлечением знакомились с печатавшимися в журналах отрывками из перевода Беллок.

Этот пятитомный перевод находится и в библиотеке Пушкина. Он читал его с карандашом в руках, делая на полях страниц отметки и, вероятно, припоминая свои былые пререкания с Вяземским.

Было время, когда толки о сожжении записок Байрона взволновали всех литераторов Европы. Во Франции «Revue Encyclopédique» воспроизвело оправдательное письмо Мура с убийственными замечаниями по поводу кощунственного нарушения последней священной воли автора; в России «Вестник Европы», ободренный «Таймсом», надеялся на сохранение копий с уничтоженных документов. Вяземский не верил утешениям и предавался скорби: ее-то и хотел рассеять Пушкин. «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? — корил поэт своего друга: — чорт с ними! Слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах... В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов. — Его бы уличили, как уличили Руссо, — а там злоба и клевета снова бы торжествовали... Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе среди воскресающей Греции». Охота видеть его в иной обстановке, не сулящей ничего отрадного⁴⁷).

Но годы шли... «Покорный вечному закону» менялся наш поэт и постепенно приходил к убеждению, что всякая строчка великого писателя важна для потомства. Изменилось и отношение к мемуарам Байрона. Уже не драгоценная рукопись, подготовленная к печати самим автором, а материал иного рода, обработанный Томасом Муром, подвергся тщательному, детальному изучению.

Особенности характера Байрона, его больная нога, его наклонность заниматься в абердинской школе физическими упражнениями, а не ученьем, наконец, его увлечение библией — вот что бросилось в глаза Пушкину в начале первого тома мемуаров. Впечатление, вынесенное им от чтения всех пяти томов, было, видимо, сильное, и он много раз говорил о Байроне на вечерах

у Смирновой... Говорил, но не писал. Мысль составить сжатый очерк жизни и поэтической деятельности Байрона пришла Пушкину не раньше 1835 года. Ближайший повод к этому дал, кажется, русский перевод книги капитана Медвина «Записки о лорде Байроне» (1835 г.). Еще 25 июня 1835 года, на даче Миллера, на Черной речке, Пушкин писал на заглавном листе одной из тетрадей: «О Байроне и о предметах важных»; дальше пробовал переводить в двух редакциях одну пьесу Байрона и затем начал его биографию на основании документов, опубликованных Муром... Это был самый первый набросок, сделанный, как говорит Анненков, «в пылу чтения». Предки Байрона, его отец и мать, наставник, домашняя и школьная обстановка, неблагоприятные условия воспитания и образования ребенка, влияние наследственности и, наконец, отражение детских впечатлений в творчестве — такова канва сжатого и образного очерка Пушкина. Замысел заманчивый, но, к сожалению, неосуществленный.

Опыт биографии Байрона остался в черном наброске. Пушкин не заканчивал и не отделял его, очевидно отказавшись от мысли когда-либо увидеть в печати. Запрещение цензурой однородного очерка о Радищеве могло послужить грозным предостережением о грядущей судьбе не только «Мыслей на дороге», но и биографии Байрона. Ведь эта биография должна была заключать в себе живую характеристику личности, яркую оценку общественной и литературной деятельности поэта, «мало достойного одобрения», по словам М. Л. Воронцова, и «оскорбляющего» верховную власть, с точки зрения цензуры. Не даром в выпущенных стихах «Евгения Онегина» имя Байрона невольно связано с именем карбонаров; не даром опасение глупости Бирукова и Красовского помешало некогда Пушкину как следует воспеть любимца свободы.

Настроение 1824 года повторилось в 1836 году. Тема: как

Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал,—

была неосторожной. Перо, естественно, выпадало из рук. И теперь перед нами, вместо блестящего чеканного Пушкинского этюда — разрозненные части — волею судьбы — незавершенной работы.

Н. Козмин.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА
ПРИ ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

ПУШКИН

В МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1926